

И. Г. ИВАНОВ (Йошкар-Ола)

Г. Г. КАРМАЗИН И РАЗВИТИЕ МАРИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

(К 95-летию со дня рождения)

Г. Г. Кармазин (1882—1943), один из ведущих марийских лингвистов первого поколения, прекрасный знаток и ценитель родного слова, был заметной фигурой в истории марийской культуры послереволюционного периода. Родился он и вырос среди восточных марийцев, окончил Бирскую инородческую учительскую школу, затем долгое время работал в школе. В период пробуждения национального самосознания марийцев — в годы первой русской революции — Г. Г. Кармазин заинтересовался родным языком как средством культурного возрождения своего народа. Он собирал фольклорный и диалектологический материал, сам пытался сочинять, составлял учебные пособия. После революции Г. Г. Кармазин стал видным языковедом; одним из тех, кто стоял у колыбели современного марийского литературного языка, был активным участником языкового строительства в период его самого интенсивного развития. С именем Г. Г. Кармазина во многом связано становление основных черт современного литературного языка.

Основная заслуга Г. Г. Кармазина как лингвиста состоит прежде всего в его благотворном влиянии на становление литературных норм. Именно в области совершенствования литературного языка он показал себя исследователем с тонким языковым чутьем, хорошо представляющим себе закономерности развития языков народов СССР в эпоху социалистического строительства. Поэтому уже с начала своей активной лингвистической деятельности он сумел занять правильную позицию в языковом вопросе и предопределить основное направление развития марийского языка в 20—30-х годах.

Заслуги Г. Г. Кармазина в развитии литературного языка проявляются в двух отношениях — заметное влияние на формирование лексических норм литературного языка и весьма активное воздействие на процесс совершенствования алфавита и орфографии. Он был последовательным сторонником формирования лексико-грамматических норм литературного языка на основе максимального использования потенциальных возможностей всех форм проявления языка и прежде всего его фольклорной разновидности.

Внимательное отношение Г. Г. Кармазина к богатству родного слова отчетливо прослеживается в его словотворческой деятельности. Возможность широкого привлечения средств родного языка он наглядно проиллюстрировал в своем списке лингвистических терминов, состоявшем почти полностью из терминов, созданных на основе марийских словообразовательных средств. Разумеется, не все его новообразования оказались приемлемыми (например, *ик кыдежан ой* 'простое предложение', *кок кыдежан ой* 'сложное предложение', *икече* 'прошедшее время', *ожно* 'давно прошедшее время' и т. д.). Тем не менее их значительная часть представляла собой довольно удачные находки (*йылмылончыш* 'грамматика', *ойвуй* 'подлежащее', *тодыш* 'спряжение' и др.), поэтому в дальнейшем они легли в основу марийской лингвистической терминологии.

Той же идеей активного привлечения словообразовательных средств родного языка руководствовался Г. Г. Кармазин при создании новых слов для выражения понятий, родившихся в послереволюционный период. Например, в списке новообразований (Марий йылмышке пуртышашлык у мут-влак. — У илыш 1924, № 2, стр. 28—30) представлены такие удачные неологизмы, как *налык* 'лави́на', *ийналык* 'ледник', *вудлогар* 'губа', *сернер* 'мыс', *ушык* 'слагаемое', *йырийуж* 'атмосфера', *шарныктыш* 'памятник', *моңгештарымаш* 'отражение', *вуйлымаш* 'оглавление' и т. д. Их

автор смело обращался к расширению функций суффиксов, сложению основ и т. д. Все это свидетельствует о творческом подходе Г. Г. Кармазина к такому важному для того времени вопросу, как обогащение лексики литературного языка.

В пополнении словарного богатства Г. Г. Кармазин следовал традициям «Марла календарь», призывавшего при создании литературных норм опираться на «чистый язык» фольклора. Он не мог не понимать того, что увлечение заимствованием могло привести к застою в развитии собственных словообразовательных средств, к чрезмерной активизации процесса заимствования, что в условиях интенсивного формирования литературных норм, которое совпало у марийцев с периодом широкого приобщения трудящихся к активной политической жизни, было бы нежелательным явлением. Отсюда и призыв к «древнему красивому языку предков». Г. Г. Кармазин не был оригинальным в своем стремлении: в эпоху становления национальных литературных языков в связи с ростом национального самосознания и стремлением избавиться от лексико-грамматической ограниченности всегда возникает тенденция создать «чистый язык». Он просто стихийно шел дорогой, проторенной задолго до него многими народами, получившими национальную независимость. Но увлекшись естественным желанием «очистить язык», он первоначально впадал и в крайность — обнаруживал тенденции пуристического характера. Так, в одном из своих выступлений (Марий йылме. — У илыш 1924, № 11, стр. 36—37) он неосторожно высказал совершенно абсурдную мысль: «изгонять из марийского языка все чужезычные слова». Впоследствии он избавился от подобного представления и занял правильную позицию, считая необходимым использование всех возможностей для обогащения словарного состава литературного языка и в первую очередь словообразовательных и диалектных возможностей родного языка. В то же время Г. Г. Кармазин понимал, что в условиях, когда равноправные народы объединены общей целью, взаимовлияние языков — важный фактор их развития. Особую роль в этом процессе он отводил русскому языку. В одной из многочисленных статей он писал: «Жизнь не стоит на месте, каждый день она двигается вперед. Вместе с ней совершенствуется, развивается и язык. В детстве мы даже не слышали таких слов, как театр, республика, аэроплан, область, комиссар, трактор, культура, наука. Теперь мы знаем их. В нужных случаях необходимо использовать любые подходящие слова, будь они русские, немецкие — пусть обогащается, развивается язык» (Марла возымаш нергеште. — У илыш 1924, № 2, стр. 26).

Как и большинство представителей творческой интеллигенции 20—30-х годов, Г. Г. Кармазин идеализировал свой родной диалект — восточное наречие. Он вопреки тенденции стремился закрепить его положение в качестве диалектной основы литературного языка, ошибочно полагая, что восточное наречие наиболее марийское из всех диалектов. Идею об особом положении восточного наречия он выдвигал во всех своих сочинениях, касающихся вопросов литературного языка. Не устоял Г. Г. Кармазин перед неугасающим чувством родного диалекта и в период укрепления позиции моркинско-сернурского говора в качестве диалектной основы литературного языка в 30-х годах.

Заметно отразилась его ориентация на восточное наречие и на другой стороне его деятельности — совершенствовании орфографии и алфавита, основной заслуге ученого в развитии литературного языка. Вопросами марийского правописания Г. Г. Кармазин впервые заинтересовался в 1918 году в работе «Основы транскрипции языка мари». Однако более серьезно проблемами алфавита и орфографии занялся он в 20-х годах, после приезда в центр области. Не будет преувеличением сказать, что в первом периоде развития литературного языка (20—30-е годы) он был основным законодателем в деле совершенствования марийского письма, а в течение всего периода — одним из активных деятелей унификации орфографии. По его инициативе и при непосредственном участии проводились почти все мероприятия, направленные на улучшение марийского письма.

Взгляды Г. Г. Кармазина на развитие марийского письма с предельной ясностью отразились на его алфавите и орфографии, принятых на II съезде работников просвещения в 1925 году. Это был наиболее совершенный проект во всей полутораковой истории марийской письменности.

В основу усовершенствованного алфавита лег фонематический принцип, т. е. каждой фонеме соответствовал отдельный знак. Этот принцип очень подходил для марийского языка, имеющего в своем составе небольшое количество фонем, позволял весьма точно передавать на письме марийские слова. Алфавит Г. Г. Кармазина, как и прежний, основывался на русской графической системе с дополнением семи новых знаков, и, естественно, с исключением тех букв, для которых в марийском языке отсутствуют звукосоответствия. Новшеством алфавита было включение специальных букв для обозначения палатальных фонем *л'* и *н'* (впервые особые буквы для них предложил П. Карпов). Это была удачная находка для марийского языка, однако в практику употребления они, к сожалению, не вошли в основном по техническим причинам.

Первым практическим шагом в совершенствовании марийского письма в после-революционный период был свод правил, также составленный Г. Г. Кармазиным и утвержденный на том же съезде. Составляя правила правописания, Г. Г. Кармазин руководствовался прежде всего идеей приближения письма к произношению. В основе его орфографии лежал, как он сам говорил, «орфографический принцип», под которым следует понимать фонетическое письмо с элементами морфологического принципа. Почти полностью за произношением следовало оформление заимствованных слов (*понар* 'фонарь', *Прансий* 'Франция', *рэволүтсö* 'революция', *промышлэнис* 'промышленность').

В орфографии Г. Г. Кармазина узаконено написание *й* в конце слова после гласных *и*, *й*; в качестве показателя множественности выбран суффикс *-лак*. Эти нововведения опять-таки отразили особенности его родного диалекта. Впоследствии они прочно закрепились в качестве литературной нормы.

Орфография Г. Г. Кармазина, конечно, не была совершенной во всех отношениях. Одним из спорных вопросов следует считать оформление слов с буквой *ы*. В принятой орфографии Г. Г. Кармазин предлагал «по возможности вытеснять ее из марийской орфографии», заменяя другими буквами. Утверждая это, Г. Г. Кармазин прежде всего имел в виду закономерные междиалектные соответствия типа *ы ~ е ~ и ~ й*, из которых предлагал выбирать для литературного употребления слова с полными гласными, но только не с *ы*. Идею Г. Г. Кармазина затем подхватил М. Кузнецов, ставший на путь полного отказа от буквы *ы*. Так в марийском языкознании возникла проблема буквы *ы*. Г. Г. Кармазин ясно представлял себе, к чему может привести подобная воляность, поэтому, основываясь на научном анализе особенностей марийского языка, решительно выступил против М. Кузнецова и в своих статьях справедливо отстаивал необходимость сохранения *ы* для марийского языка. На конкретных языковых фактах он доказал, что буква *ы* совершенно необходима для марийского языка не только для достижения орфографической стройности, но и в силу фонетико-грамматических закономерностей его.

Кредо Г. Г. Кармазина в вопросах орфографии выражено в следующих его словах: «Чтобы печатное слово было достоянием широкой трудящейся массы, орфография должна быть проста, легка и доступна». Это положение он развил в дальнейшем в статье «Система письма определений с определяемыми словами двойных и сложных слов в марийском языке» (— Марий илыш, вып. 1, 1929, № 1, стр. 104—115). В ней автор пытался обосновать правила оформления сложных образований. Однако наряду с верными предположениями, он не сумел найти достаточно обоснованный критерий для различения композит и словосочетаний. Слишком расплывчатыми и неопределенными оказались его аргументы: «Всякое слово, служащее в предложении определением к другому слову, необходимо писать слитно» (стр. 113), ибо, как известно, и в композитах подчинительного типа первый компонент находится по отношению ко второму всегда в атрибутивных отношениях.

Следуя принципу фонетического письма, Г. Г. Кармазин пребрал максимального сближения орфографии с орфоэпией. В период формирования литературных норм, когда еще только начинали вырисовываться слабые контуры литературного произношения, такую точку зрения трудно признать верной. В условиях широкого бытования диалектного произношения и вызванной им орфоэпической неопределенности такая орфография лишь создавала трудности для закрепления твердых литературных норм.

В начале 30-х годов Г. Г. Кармазин стал инициатором движения за латиниза-

цию марийского алфавита. Следует, однако, подчеркнуть, что первоначально, на II съезде работников просвещения, он не считал возможным приспособить латинский алфавит для марийского языка. Но позднее Г. Г. Кармазин стал самым активным сторонником латинизации. Он проявил завидное усердие в подготовке необходимых научных изысканий для перехода на латинскую графику, составил два варианта проекта латинизированного алфавита. Как и прежде, Г. Г. Кармазин придерживался фонематического принципа построения алфавита, поэтому в количественном отношении новый алфавит не отличался от прежнего. Особенностью латинизированного алфавита Г. Г. Кармазина было то, что как прописные, так и строчные буквы имели в нем одинаковые начертания, что, по его мнению, облегчало обучение грамоте детей. Этот алфавит состоял из 36 букв. Отдельными знаками обозначались фонемы *ä, ś, ł, d', ě, ə*, необходимость которых для литературного языка ничем не оправдывалась. Г. Г. Кармазин по-прежнему опирался на систему фонем восточного наречия, что при окончательном закреплении моркинско-сернурского говора в качестве диалектной основы лишь тормозило развитие литературного языка.

Движение за латинизацию продолжалось недолго и в 1933 году совершенно прекратилось. Однако вопросы усовершенствования орфографии остались на повестке дня языкового строительства. Развернулась новая дискуссия, в результате которой образовались две группировки, т. н. унификаторы и принципиалисты. К последним принадлежал и Г. Г. Кармазин. В отличие от унификаторов, которые намеревались ввести в марийский алфавит буквы *я, ю, е, ё*, принципиалисты вполне обоснованно настаивали на сохранении прежней орфографии. В защиту прежнего правописания Г. Г. Кармазин совместно с В. М. Васильевым выступил с т. н. контрпроектом. Свои взгляды он изложил в специальной брошюре, изданной перед языковой конференцией. Его проект, как и раньше, базировался на фонематическом принципе. Но в отдельных случаях он допускал необходимость фонетического письма, например, при оформлении послелогов (*годым* ~ *кодыв*, *гоч* ~ *коч*, *дек* ~ *тек*) и т. д. Следует отметить, что В. М. Васильев не разделял такого подхода к правописанию, хотя вместе с Г. Г. Кармазиным составлял оппозицию новому проекту.

Г. Г. Кармазин настойчиво выдвигал свой родной диалект в качестве основы литературного языка. Благодаря его настойчивости в литературный язык проникло много элементов восточного наречия, которые отчетливо прослеживаются как в лексико-грамматическом нормировании, так и в становлении орфографических норм. Ему большей частью обязаны, например, закрепление в качестве литературной нормы показателя множественности *-влак*, деепричастия на *-де*, оформление *й* в конце слов, оканчивающихся на *и, й*, некоторые формы падежного управления, значительное количество лексических элементов и т. д., отсутствующие в диалекте-основе литературного языка.

Почти всю свою лингвистическую деятельность Г. Г. Кармазин посвятил проблемам литературного языка. Он внес весомый вклад в стабилизацию его норм. Взгляды Г. Г. Кармазина большей частью отражали потребности современного ему марийского общества. Однако из этого не должно следовать, что в вопросах развития литературного языка он занимал всегда верную позицию. Говоря об этом, нужно прежде всего отметить «болезнь» значительной части тогдашней творческой интеллигенции — идеализацию своего родного диалекта. Поэтому в кульминационный период борьбы за единый литературный язык, он, естественно, оказался на стороне т. н. московской группы, выступившей против создания единого литературного языка.

Г. Г. Кармазин оказал заметное влияние на формирование общего направления развития литературного языка в 20—30-х годах. Нельзя не согласиться с И. С. Капитоновым, который еще при его жизни назвал этого неутомимого исследователя «властителем дум языкового строительства в течение долгого времени». Но Г. Г. Кармазин был не преобразователем языка, а одним из многих представителей послереволюционной марийской интеллигенции, общими усилиями создававших современный литературный язык. Тем не менее, обладая большей образованностью и незаурядным лингвистическим талантом, Г. Г. Кармазин оказал для языкового строительства своего народа заметно большую услугу, чем другие его современники.